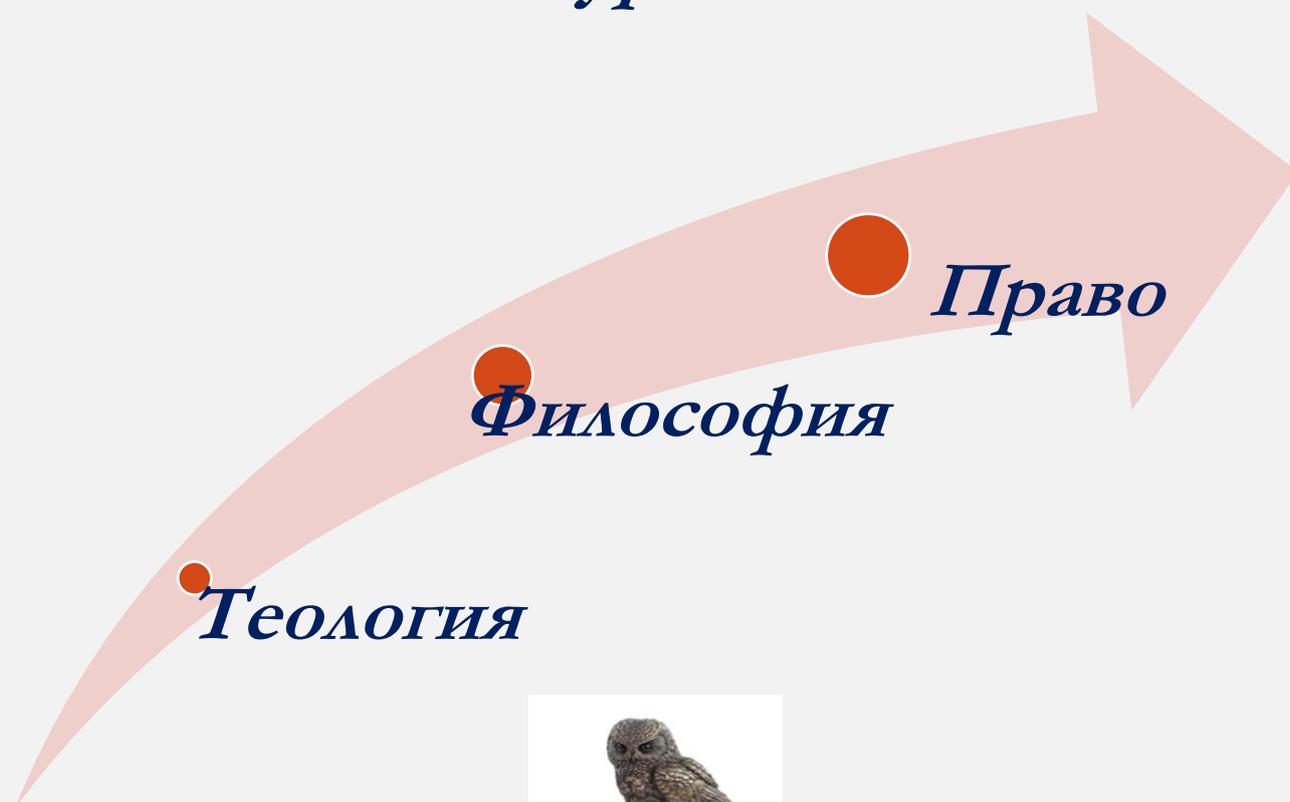


ISSN 2541-8947 (On-line)

*Научно-просветительский
журнал*



Теология

Философия

Право



#1 (9) 2019

*Scientific and Educational Journal
Theology. Philosophy. Law.*

www.theophil.ru

18+

Рецензируемый
научно-просветительский журнал
ТЕОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО / THEOLOGY. PHILOSOPHY. LAW.

№ 1 (9) от 30.03.2019

Главный редактор

А.М. Иванов (Владивосток)

Редакционная коллегия

А. В. Алексеев (Псков), Ю. В. Аргудяева (Владивосток), О.А. Дмитриева (Волгоград),
А. А. Иванов (Тольятти), С. В. Каменев (Владивосток), А. Г. Корчагин (Владивосток),
О.Г. Ларина (Курск), С. В. Шошин (Саратов)

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-66963 от 25.08.2016 г.*

Учредитель и издатель журнала
Алексеев Алексей Викторович.

Периодичность - 1 раз в квартал.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

*Материалы статей публикуются в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов,
содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами
редакции.*

При перепечатке и использовании материалов статей ссылка на журнал обязательна.

*Электронная почта редакции: **feophil@gmail.com***

Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699

*Адрес в сети интернет: **www.theophil.ru***

ISSN 2541-8947 (On-line)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Слово к читателю.....	4
-----------------------	---

СТАТЬИ / ARTICLES

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / LEGAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCHS

Яковенко А.А., Серобян Г.А. Этико-правовые аспекты использования персональных данных, размещённых в сети Интернет	8
Лютова О.И. Определение понятия криптовалюты для целей налогового-правового регулирования.....	19
Шошин С.В. Субъект в национальном уголовном законодательстве ряда государств: компаративистский анализ	28
Туктамышева С.В., Корчагин А.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве	37
Мамчуева А. А. Преступления доведения до самоубийства: история развития и современное положение в УК РФ.	49

Слово к читателю

Содержание настоящего номера заметно отличается от содержания предыдущих выпусков тем, что посвящено почти целиком одной рубрике: Философско-правовые и юридические исследования, с упором на последнюю составляющую данной рубрики.

А.А. Яковенко и Г.А. Серобян в своей работе «Этико-правовые аспекты использования персональных данных, размещённых в сети Интернет» продолжают тему развития информационного пространства, затронутую ими в предыдущих выпусках нашего журнала. Бурное развитие информационного пространства несет, кроме определенных положительных перспектив развития человечества, влечет за собой возможность нарушения этико-правовых прав пользователя информационного пространства. Авторы в рамках статьи выявляют основные проблемы, существующие на данный момент в Российском информационном пространстве и предлагают варианты их решения, приглашая читателей к осмыслению этой проблемы. На сегодняшний день пользователь в сети, являясь собственником информации о себе, в подавляющем большинстве случаев не может бороться с незаконным ее использованием, с одной стороны в виду технологической неграмотности, с другой - незащищенности со стороны государства. Авторы полагают, что для большей безопасности пользователя необходимо нормативно закрепить принципы, аналогично тем, которые содержатся в Кодексе справедливого использования информации. Дополнительные проблемы создаются неудобным фактом, что на сегодняшний день пользователь социальных сетей не имеет права выбора: давать согласие на обработку персональных данных или нет, давать право контрагенту на передачу персональных данных пользователя третьим лицам или нет. Если сформулировать корректнее, то, конечно, никто не отбирал у пользователя это право, однако есть маленький нюанс: если пользователь хочет пользоваться услугой, то без такого согласия не обойтись. Авторское решение этой проблемы видится в предоставлении данной «услуги» опционально.

О.И. Лютова касается «Определения понятия криптовалюты для целей налогово-правового регулирования». Необходимость определения понятия криптовалюты как разновидности цифровой (виртуальной) валюты усматривается как для целей финансово-правового регулирования в целом, так и для возможности оценки налоговых последствий с соответствующими объектами с учетом выбранной модели налогообложения того или иного государства. В статье исследуются подходы к вопросу квалификации криптовалют для целей налогообложения в различных юрисдикциях, выявляются ключевые проблемы налогово-правового регулирования в ситуации отсутствия легального определения криптовалюты и ее однозначной идентификации в качестве налогообложения. Отсутствие единства в подходах относительно определения понятия и правового режима криптовалюты, приводит к неясности, например, в определении налоговой базы и предотвращении незаконных действий, являющихся объектом налогового контроля, а, тем самым, к невозможности однозначного определения понятия и правовой природы криптовалюты для целей налогово-правового регулирования.

Статья «Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве» (С.В. Туктамышева, А.Г. Корчагин) посвящена новеллам корпоративного законодательства в части привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в деле о банкротстве, представленным в сравнительном анализе с предыдущей редакцией норм, регулирующих установленные корпоративные отношения, а также проблематике их применения. Авторы отмечают, что в целом, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве нормы для привлечения к субсидиарной ответственности возникают из следующих оснований: 1) противоправных действий, направленных против юридического лица и причиняющих последнему убытки и 2) противоправных действий, направленных против кредиторов юридического лица, также причиняющих убытки последним, что выражается в нарушении обязанности действовать разумно и добросовестно с учетом интересов кредиторов. В качестве вывода звучит призыв к необходимости продолжить совершенствование норм субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве, в частности, достигнуть баланса регулирования института субсидиарной ответственности

субъектов, доминирующих над юридическим лицом в деле о банкротстве, а именно учитывать интересы бенефициаров юридического лица, учредителей, управляющих, кредиторов, в том числе принимать к сведению положительные и негативные факторы.

Следующие две статьи посвящены сравнительному анализу в уголовном праве. С.В. Шошин исследует субъект в национальном уголовном законодательстве ряда государств. Многие страны мира установили в национальном уголовном законодательстве и уголовную ответственность для юридических лиц. Попытки введения в российский уголовный кодекс уголовной ответственности для юридических лиц сегодня не находят поддержки у законодателя. В отдельных странах при назначении уголовного наказания не имеет значения информация, характеризующая личность подсудимого, отсюда объявленное там «равенство» при назначении уголовного наказания исключает необходимость учета характеристики личности правонарушителя. Приближает ли такой подход к установлению большей справедливости при решении дел, вызывает сомнения. Автор считает, что распространение российским законодателем особенностей реализации прав подсудимых по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, на производство по иным категориям уголовных дел, могло бы способствовать достижению положительного результата в формировании и развитии правового государства. Нам с этим мнением трудно согласиться, как и с мнением автора об актуализации введения в России уголовной ответственности юридических лиц.

А.А. Мамчуева, после публикации в предыдущем номере нашего журнала, предлагает еще одну грань в исследовании доведения до самоубийства. В настоящем выпуске в своей статье «Преступления доведения до самоубийства: история развития и современное положение в УК РФ» автор совершает ретроспективный анализ современного положения относительно преступления доведения до самоубийства в Уголовном кодексе РФ и в современном российском обществе. Предлагается разграничивать два совершенно разных понятия: «самоубийство» и «доведение до самоубийства». В первом случае – лицо добровольно в силу ряда обстоятельств принимает решение уйти из жизни. При этом, согласно российскому законодательству, отсутствует состав преступления и деяние уголовно не

наказывается. А в случае доведения до самоубийства решение покончить собой принимается под физическим или моральным давлением со стороны третьих лиц. Автору представляется, что в настоящее время ст. 110 УК РФ носит недоработанный характер в части изложения диспозиции статьи и перечня способов совершения данного преступления, поэтому, чтобы ст. 110 УК РФ смогла решить поставленные цели и задачи, необходимо внести ясность и полноту в её содержание.

Для последующих выпусков нашего журнала в текущем 2019 году приглашение для публикаций остается в силе.

Редакция научного журнала

«Теология. Философия. Право / Theology. Philosophy. Law»

УДК 34.096

ГРНТИ 10.19.01

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Яковенко Андрей Александрович

*Магистрант 1 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
andrey.dus@yandex.ru*

Серобян Гагик Ашотович

*магистрант 1 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
serobyan.g@bk.ru*

ETHICAL-LEGAL ASPECTS OF THE USE OF PERSONAL DATA POSTED ON THE INTERNET

Andrey A. Yakovenko

*1-year master's student of Law School,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

Gagik A. Serobyan

*1-year master's student of Law School,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

АНОТАЦИЯ

Бурное развитие информационного пространства несет в себе не только большое

количество перспектив развития человечества, но и как неотъемлемая составляющая, теневая сторона развития – нарушение этико-правовых прав пользователя информационного пространства. Авторы в рамках статьи выявляют основные проблемы, существующие на данный момент в Российском информационном пространстве и предлагают варианты их решения, приглашая читателей к осмыслению этой проблемы.

ABSTRACT

The rapid development of the information space carries not only a large number of human development prospects, but also as an integral component, the shadow side of development is a violation of the ethical and legal rights of the information space user. The authors in the article identify the main problems existing at the moment in the Russian information space and offer solutions to them, inviting readers to understand this problem.

Ключевые слова: право; мораль; права человека; информационное пространство; интернет; социальная сеть; цифровой след; скоринг; таргетированная реклама.

Key words: law; morality; human rights; informational space; the Internet; social network; digital trace; scoring; targeted.

В эпоху глобализации деятельность человека переходит в иную, уже давно освоенную, но в должной мере не урегулированную правом среду – информационное пространство сети Интернет. Туда же перетекает и огромное количество персональной информации, требующей защиты. Не последнюю роль в формировании этого Интернет пространства играют глобализационные процессы, вследствие которых сеть Интернет изначально образовывалась как не

подпадающий под юрисдикцию какого-либо государства, не делимый на национальные сегменты феномен. Однако, несмотря на вышеупомянутые процессы глобализации, многие государства на сегодняшний день стараются выделить и контролировать свой национальный участок сети Интернет. Причем, с одной стороны, такие действия, безусловно, направлены на обеспечение безопасности в сети, с другой – могут в значительной мере ущемлять права

индивидов как на получение информации, так и на защиту персональных данных. Но только ли государство использует информацию, размещаемую пользователем в сети?

В последнее время в СМИ все чаще упоминаются факты несанкционированного использования персональных данных в Интернете. Это связано, прежде всего, с тем, что интернет-активность российских граждан увеличилась за последние годы. Пользователи предоставляют большое количество информации о себе через Интернет, в основном посредством социальных сетей и социальных медиа. В этой связи в России особое значение приобретает проблема правового регулирования обработки персональных данных в Интернете.

Интернет – реальная "проблема" современного мира. В повседневной жизни люди оставляют после себя так называемый «цифровой след»: цифровую информацию о том, кому звонят, куда ходят, какую еду предпочитают, что и где покупают, где живут и

другие данные о личной жизни. По этим элементам жизни людей можно узнать больше, чем они сами хотели бы о себе рассказать. Цифровые технологии позволяют исследовать миллиарды индивидуальных взаимодействий, в ходе которых люди обмениваются идеями, деньгами, товарами и слухами [11]. Цифровой след, оставляемый практически каждым в интернете – сокровище, за которым охотятся не только мошенники, но и вполне безобидные на первый взгляд организации, продающие либо товары, либо услуги. Приведем несколько примеров такого использования.

На сегодняшний день большое количество банков прибегают к помощи социальных сетей при работе с клиентами, так старший вице-президент Сбербанка Александр Ведяхин в 2017 году сообщил о том, что Сбербанк планирует вести скоринг заемщиков по психометрическим моделям: "с 2018 года в банке намереваются проводить проверку платежеспособности и надежности

клиента по «цифровому следу»: данным о клиенте из социальных сетей, по мобильному телефону или даже по фотографиям, имеющимся в интернете" [12].

Вот, что по этому поводу сказал сам Александр Ведяхин: "в 2018 году я думаю, это уже будет. Идеальный вариант - что лицо, телефон, чтобы мы поняли кто, все следы, все источники, чтобы стало понятно, что это за человек, и если он лайкает тюремные четки и "Владимирский централ", то навряд ли ему надо сразу одобрять кредит, скорее всего, еще раз надо что-нибудь посмотреть"[3].

Применительно к указанным тезисам уже нашелся первый прецедент: иск "ВКонтакте" к Double Data об использовании информации. «ВКонтакте» подала иск к компании Double Data в январе 2017 года. Соцсеть не устроило, что стартап использовал данные о фамилиях, именах, местах работы и учебы и другую открытую информацию, опубликованную пользователями. При этом Double Data использовал данные в коммерческих целях: в

частности, для оценки кредитоспособности заемщиков. При этом ни соцсеть, ни пользователи не давали разрешения на это [4]. В конечном итоге результатом спора было удовлетворение исковых требований «ВКонтакте».

Однако, из данного дела вытекает следующий вопрос: что будет, когда банки придут к консенсусу с социальными сетями? Ответ на него уже есть и консенсус достигнут, примером, может служить тот же Сбербанк. В частности, теперь при регистрации в социальных сетях пользователя уведомляют о том, как может использоваться информация о нем (например, п. 5.6 – п. 5.8. Пользовательского соглашения ВК [8]). В свою очередь банк также уведомляет об этом клиента, т.е. скоринг проводится в отношении тех клиентов, которые подписали согласие на обработку персональных данных, т.е. всех [12].

Ещё одним примером может служить проблема, связанная с таргетированной рекламой - рекламой, которая посредством специальных технологий cookie

направляет персонифицированные предложения конкретному пользователю исходя из его поисковых запросов, просмотра определенных сайтов и прочее [5].

Так, в РФ в 2017 году было рассмотрено дело, где причиной спора стал факт того, что всплывающая контекстная реклама была сгенерирована в результате прочтения личной переписки заявителя на сервисе Gmail, что нарушило право заявителя на тайну переписки. Судом второй инстанции требования были удовлетворены [9]. В настоящий момент контроль за таргетированной рекламой усилился со стороны Европейского союза: Брюссель принял решение усилить охрану личных данных, новая политика конфиденциальности позволит избежать нежелательных маркетинговых сообщений. Например, можно будет создать черный список, куда можно будет внести свой номер и, таким образом, отказаться от приема звонков с коммерческими предложениями. Кроме того, каждый пользователь сможет узнать, что происходит с его

данными в интернете. В браузере можно будет установить уровень конфиденциальности. Это коснется и он-лайн идентификаторов (cookies), за счет которых сайты собирают информацию об истории просмотров и поведении пользователей на сайте. Именно с помощью cookies сайты собирают информацию для предоставления таргетированной рекламы на основе интересов каждого конкретного пользователя. С запретом cookies сайт не сможет запоминать, а значит персонализировать рекламные предложения для пользователей. Это коснется не только рекламных предложений, но и отображения новостей, погоды в конкретном месте и так далее [6].

В Российской Федерации предусмотрено более строгое отношение к незаконной обработке информации о пользователях. Практика Российских судов также рассматривает cookie-файлы [13] в качестве персональных данных. Однако, сайты обходят все ограничения просто уведомляя пользователя заранее о том, что сайт

использует соответствующие технологии. В соответствии с Федеральным законом N 38 «О рекламе» реклама может быть получена пользователем в сети Интернет, социальной сети, если пользователь выразил на, то свое согласие [2].

Как банки, так и организации, размещающие рекламу в данном случае, собирают и анализируют большой массив информации о нас, однако, соответствуют ли их действия закону?

В ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» закреплено, что персональными данными считается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определяемому физическому лицу [3]. Таким образом, данные о человеке из Facebook, «Одноклассников» или «ВКонтакте» подпадают под это определение. Кроме того, закон диктует процедуру обработки и хранения персональных данных и предусматривает обязательное получение у клиентов согласия на обработку данных, в частности,

положение закреплено в ст. 7 указанного закона. Как социальные сети, так и банки очень просто обходят все процедуры, включая во все соглашения согласие клиента (пользователя) на обработку персональных данных и согласие на право передавать информацию "третьим лицам".

Полагаем, что не любая размещенная в интернете информация является свободной к использованию. При ответе на вопрос о возможности и способах использования размещенной в интернете информации нужно руководствоваться ее природой, кроме того, в основу может быть положен критерий цели использования. В качестве примера из судебной практики, в котором цель использования была взята в качестве критерия правомерности использования размещенных в интернете данных, можно привести апелляционное определение Нижегородского областного суда от 11.10.2016 по делу № 33-12355/2016. Суд пришел к выводу о том, что наличие в сети интернет информации

о телефонном номере лица, размещенного в целях осуществления им профессиональной деятельности (в рассматриваемом споре банк использовал размещенный в интернете телефонный номер адвоката клиента для информирования о задолженности клиента), не исключает необходимость получения согласия субъекта на обработку его общедоступных персональных данных для их использования в иных целях.

Пользователь соцсети «выкладывает» информацию о себе для таких же пользователей как он сам с разной степенью приватности. Целью социальной сети является коммуникация отдельных лиц. В случае использования данной информации о пользователях не для целей общения должно быть получено отдельное явно выраженное согласие пользователя на обработку и использование его данных в соответствии с ФЗ «О персональных данных». В противном случае действия являются

нарушением закона, о чем уже был вынесен судебный акт в отношении второго ответчика АО «НБКИ» (иску "ВКонтакте" к Double Data об использовании информации). Данный вывод подтверждается решением Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-5250/17, вынесенным при рассмотрении спора между АО «НБКИ» (вторым ответчиком) и Роскомнадзором о правомерности обработки данных пользователей социальных сетей с использованием сервисов Double Data Social Link, Double Data Social Attributes (программы ООО «Дабл»). Суд пришел к выводу о том, что после размещения пользователями данных в социальной сети они не стали общедоступными, т.к. социальные сети не являются источником общедоступных персональных данных применительно к положению ст. 8 ФЗ «О персональных данных», обработка персональных данных пользователей требует согласия их правообладателей, которое АО «НБКИ» не было получено. При этом последующие действия АО «НБКИ»

(приобретателя программ Ответчика) также нарушают ч. 3 ст. 22, п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных» [12].

Действия поисковой программы по сбору (извлечению) информации можно сравнить со скрытым наблюдением за людьми, которое является незаконным, так как нарушает конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, предусмотренное ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. В силу ч. 1 ст. 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [1]. Возьмем пример с открытым окном в доме: мы можем пройти мимо открытого окна или заглянуть, или даже быть приглашенными в гости, но установка скрытого наблюдения третьими лицами за людьми, сбор результатов такого наблюдения незаконны без получения на то предварительного согласия.

Как уже было сказано ранее, согласие, как на обработку, так и на передачу информации включается в

каждое соглашение, однако из этого вытекает следующий вопрос: могут ли пользователи пользоваться технологией, не предоставляя согласие на передачу персональных данных третьим лицам? Полагаем, ответ очевиден.

А как же быть с этическими аспектами? Если брать за основу конструкцию, что право – минимум морали и нравственности, то ответ также очевиден. На сегодняшний день этический аспект пребывания пользователя в сети в большей степени не учтен, попытки государства обуздать виртуальное пространство больших результатов не приносят. Говоря об этических аспектах обращения персональных данных в сети, стоит обратить внимание на Кодекс справедливого использования информации, введенный United States Department of Health and Human Services. Кодекс базируется на пяти принципах, подчёркивающих требования к системам учёта информации:

1. Не должно существовать систем, накапливающих персональную информацию, сам

факт существования которых является секретом.

2. Каждый человек должен иметь возможность контролировать, какая информация о нём хранится в системе и каким образом она используется.

3. Каждый человек должен иметь возможность не допустить использования информации, собранной о нём для одной цели, с другой целью.

4. Каждый человек должен иметь возможность корректировать информацию о себе.

5. Каждая организация, занимающаяся созданием, сопровождением, использованием или распространением массивов информации, содержащих персональные данные, должна обеспечить использование этих данных только в тех целях, для которых они собраны, и принять меры против их использования не по назначению [7]. Полагаем, что нормативное закрепление указанных норм, в качестве принципов помогут существенно обезопасить пользователя в Российском

виртуальном пространстве.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что на сегодняшний день пользователь в сети, являясь собственником информации о себе в подавляющем большинстве случаев не может бороться с незаконным ее использованием. С одной стороны в виду технологической неграмотности, с другой - незащищенности со стороны государства. Полагаем, что для того, чтобы больше обезопасить пользователя, необходимо нормативно закрепить принципы, аналогично тем, которые содержатся в Кодексе справедливого использования информации. Что касается социальных сетей, то на сегодняшний день пользователь не имеет права выбора: давать согласие на обработку персональных данных или нет, давать право контрагенту на передачу персональных данных пользователя третьим лицам или нет. Если сформулировать корректнее, то, конечно, никто не отбирал у пользователя это право, однако есть маленький нюанс: если пользователь

хочет пользоваться услугой, то без решить проблему достаточно просто: такого согласия не обойтись. предоставлять данную "услугу" Полагаем, что в данном случае опционально.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // "Собрание законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 20.03.2006, N 12, ст. 1232.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
4. Германова В. А., Атабекян А. С. Проблемы защиты персональных данных в сети интернет // Символ науки. 2016. №12-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-zaschity-personalnyh-dannyh-v-seti-internet> (дата обращения: 01.12.2018).
5. Гуляев К.С. Право человека на Интернет, права в Интернете и при использовании интернет-вещей: новые тенденции // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. N 1. С. 29 - 37.
6. Европа ограничит таргетированную рекламу в Интернете [Электронный ресурс] // URL: <https://cznews.info/economic/20170618/evropa-ogranichit-targetirova> (дата обращения: 01.12.2018).
7. Киберэтика [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Киберэтика> (дата обращения: 01.12.2018).
8. Правила пользования Сайтом ВКонтакте [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 01.12.2018).
9. Российский суд штрафует Google за "чтение личной переписки" в Gmail [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.globalvoices.org/2015/09/19/42660/> (дата обращения: 01.12.2018).
10. Сбербанк в 2018 году начнет изучать действия заемщиков в соцсетях

[Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/business/580501> (дата обращения: 01.12.2018).

11. Суд запретил стартапу Double Data использовать данные пользователей «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // URL: <https://incrussia.ru/news/sud-double-data/> (дата обращения: 01.12.2018).

12. Цифровой след: как банки анализируют соцсети клиентов при выдаче кредита [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/money/11/10/2017/59db5ec89a7947730019424d> (дата обращения: 03.12.2018).

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.03.2016г. по делу № А40-14902/2016-84-126 [Электронный ресурс] // URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/898157da-8f67-4c18-8a6b-d74d68162eac/A40-14902-2016_20160311_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf. (дата обращения: 01.12.2018).

УДК 347.73

ГРНТИ 10.21.63

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Лютова Ольга Игоревна

канд. юрид. наук,

юрисконсульт ФБУ «Государственный институт

лекарственных средств и надлежащих практик»,

г. Москва

lutova.olga@mail.ru

THE DEFINITION OF CRYPTOCURRENCY FOR TAX-LEGAL REGULATION

Lyutova Olga Igorevna

Cand. legal PhD, legal adviser,

FBU «State Institute of Medicines and Good Practices»,

Moscow

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи заключается в необходимости определения понятия криптовалюты как разновидности цифровой (виртуальной) валюты как для целей финансово-правового регулирования в целом, так и для возможности оценки налоговых последствий операций с соответствующими объектами с учетом выбранной модели налогообложения того или иного государства. В статье приводятся подходы к вопросу квалификации криптовалют для целей налогообложения в различных юрисдикциях, выявляются ключевые проблемы налогово-правового регулирования в ситуации отсутствия легального определения криптовалюты и ее однозначной идентификации в качестве объекта налогообложения.

ABSTRACT

The relevance of the article is the need to define the concept of cryptocurrency as a variety of digital (virtual) currency both for the purposes of financial and legal regulation in general, and to be able to assess the tax consequences of transactions with relevant objects, taking into account the selected taxation model of a particular state. The article presents approaches to the issue of qualification of cryptocurrency for tax purposes in various jurisdictions, identifies the key problems of fiscal regulation in the situation of the absence of a legal definition of cryptocurrency and its unequivocal identification as an object of taxation.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, налогообложение, косвенные налоги, подоходные налоги.

Key words: cryptocurrency, bitcoin, taxation, indirect taxes, income taxes.

Независимо от субъективной оценки происходящих процессов, технология блокчейн может быть рассмотрена как веха и принципиально новый этап в развитии общемирового пространства. Капитализация рынка децентрализованных цифровых технологий неуклонно расширяется, а перечень видов продуктов и услуг, предлагаемых участниками соответствующих рынков, увеличивается. Безусловно, подобные процессы, непосредственно связанные с масштабными финансовыми потоками, вызывают вполне обоснованный интерес представителей публичной власти

любого государства, которое традиционно позиционирует себя как суверенное, т.е. имеющее монопольное право на выпуск так называемых фиатных денег и установление соответствующих «правил игры» на финансовых рынках с различной долей вмешательства, зависящей, прежде всего, от избранного политического режима.

В условиях тотального внедрения и повсеместного использования цифровых денег, а также их вида - криптовалют актуализируются вопросы правового регулирования налогообложения соответствующих операций с ними.

По справедливому замечанию И.Т. Булгакова, к числу основных вопросов, подлежащих исследованию в связи с имплементацией блокчейн-технологий на финансовые рынки, относятся: 1) идентификация налоговой базы и налогоплательщиков в условиях анонимности транзакций; 2) налогообложение доходов от майнинга виртуальных валют и подтверждения операций внутри системы [2, 87].

Применение к криптовалютам той или иной модели налогообложения и соответствующего ей налогового режима обусловлено квалификацией правовой природы виртуальных валют и, как следствие, выработкой подхода к определению налоговой базы для налогов, подлежащих уплате при совершении операций с биткоинами. В этой связи традиционно осуществляется поиск ответа на три принципиальных вопроса: обложение операций с криптовалютами косвенными налогами, подоходными прямыми

налогами, а также их идентификация в качестве вида имущества (исходя из установленного в гражданском законодательстве перечня) для целей налогообложения. При этом все эти вопросы не могут решаться параллельно и независимо друг от друга. Например, «возможность распространения на криптовалюты налога на добавленную стоимость зависит от признания за виртуальной валютой статуса имущества либо валюты в собственном смысле» [7, 238].

Прежде всего можно отметить, что подходы к вопросам налогообложения криптовалют разнятся, что зависит, во-первых, от квалификации ее правового режима, а во-вторых – от выбранной юрисдикции, в которой сформирована собственная модель налогообложения.

При квалификации криптовалют с правовой точки зрения необходимо иметь в виду, что в основе ее налогово-правового регулирования лежит экономика-правовая природа исследуемого феномена. Как отмечает

А.А. Максуров, «сегодня в теории и на практике отсутствуют единые подходы к определению криптовалюты, что затрудняет не только правовое регулирование криптовалюты в мире, но и собственно научную дискуссию на эту тему, так как предмет такой дискуссии прямо не установлен и достаточно «темен» [4, 70]. При этом неоспоримым является не только межотраслевой, но и междисциплинарный подход к выработке содержания понятия криптовалюты для целей налогово-правового регулирования. Междисциплинарность в этом отношении означает необходимость сочетания подходов правоведения, а также экономических и технических наук при выработке концептуальных основ правового регулирования криптовалют. Так, вышеуказанный исследователь, подчеркивая важность междисциплинарного подхода в вопросе выработки понятия криптовалюты, делает вывод, что криптовалютой необходимо считать «актив, который используется в качестве средства

обмена и считается надежным, потому что в его основе лежит криптография. Одна из основных целей криптографии - безопасный обмен данными. Криптография создает и анализирует алгоритмы и протоколы, чтобы передаваемая информация не была изменена или уничтожена третьими лицами. Криптография сочетает в себе принципы различных наук, основная из которых - математика. Именно она обеспечивает точность и надежность алгоритмов и протоколов. Криптовалюта использует технологии блокчейна и распределенного реестра. Благодаря этому ни один регулятор не может контролировать то, что происходит в Сети, и так происходит на всем пользовательском пространстве» [4, 71].

Характеризуя понятие криптовалюты с использованием межотраслевого юридического подхода, считаем принципиально важным отметить исследование, проведенное И.А. Цинделиани и Л.Б. Нигматулиной [6, 22], в котором авторы рассматривают

криптовалюту как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования. Указанные авторы анализируют возможности признания криптовалюты в качестве эквивалента наличных денег, иностранной валюты, электронных денег, а также объекта обязательственных прав. В итоге, по их мнению, криптовалюта должна приниматься законодателем и правоприменителем как «цифровая (виртуальная) валюта, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах (математических алгоритмах), в отношении которой установлена полная децентрализация (отсутствие внешнего или внутреннего администратора в сети, гарантирующего (подтверждающего) корректность операций системы, в том числе отсутствие возможности воздействовать на транзакции участников системы). Достоверность транзакций обеспечивается в сети технологией блокчейн (реплицированной распределенной

базы данных - технологии распределенного реестра), алгоритмы которой позволяют объединять транзакции в «блоки» и добавлять их в «цепочку» существующих блоков для обеспечения неизменности базы цепочки блоков транзакций с использованием элементов криптографии и последовательного хеширования. Непрерывность обеспечивается включением в текущий блок хеш-суммы предыдущего блока, что не позволяет изменить блок без изменения хешей во всех последующих блоках. В качестве обеспечения выступают как некая ценность физического мира математические расчеты» [6, 23].

В свою очередь, И.И. Кучеров называет криптовалюту «разновидностью электронных денег, которая представляет собой обусловленную использованием технологии распределенного реестра специфическую электронную форму частных денежных средств» [5, 68].

Таким образом, криптовалюта представляет собой междисциплинарную и

межотраслевую категорию, необходимость правовой регламентации которой однозначно не доказана, что не позволяет сделать однозначного вывода о ее юридической природе. В основе определения соответствующего понятия должна лежать экономическая и технологическая природа криптовалюты, в соответствии с которой она является некой учетной записью, обладающей материальной ценностью.

При этом прослеживается однозначная опосредованность налогово-правовой природы криптовалюты и соответствующих налоговых последствий, связанных с ее выпуском и оборотом, с определением места исследуемого феномена в системе объектов гражданских прав.

Используя второй подход к определению налогово-правовой природы криптовалют – юрисдикционный – можно заметить, что, по справедливому замечанию И.А. Хавановой и И.И. Кучерова, «подходы к налогово-правовому регулированию соответствующей

экономической деятельности в странах мира разнятся и, что примечательно, в большинстве своем не получили законодательного закрепления. Иными словами, пока эти подходы обозначены преимущественно в ведомственных документах» [5, 70].

Прежде всего необходимо отметить, что в зарубежных странах, безусловно, различны и сами подходы к определению юридической природы криптовалюты. Например, в Финляндии она считается биржевым товаром, в Германии – мерой стоимости и одновременно частными деньгами, в Великобритании – долговой распиской, а во Франции – разновидностью нерегулируемых онлайн-денег. Следует обратить внимание на то, что во Франции деятельность по обмену виртуальных валют приравнивается к оказанию финансовых услуг и, соответственно, должна лицензироваться [1, 27]. Национальный банк Хорватии считает оборот криптовалют законным, банк Таиланда указал на незаконность их оборота. В Индии

были закрыты все биржи, поддерживавшие оборот криптовалюты. В Швейцарии биткойн отождествляется с иностранной валютой. При этом ряд европейских стран, например, Германия, облагают сделки с биткойном налогом. Биткойн облагается налогом в Сингапуре и Австралии [1, 28].

Ключевым моментом в вопросе определения налогово-правовой природы криптовалюты при этом играют официальные позиции налоговых органов тех государств, где ее оборот принципиально не запрещен. Так, например, налоговые службы ряда стран, среди них - Австралия, Великобритания, Норвегия, Сингапур, США, подготовили разъяснения, сформулировав свои подходы к вопросам налогообложения операций с биткойнами [8, 140].

Как известно, в США на сегодняшний день создано наиболее комплексное налогово-правовое регулирование применения блокчейн-технологий и виртуальных денег, причем как на федеральном

уровне, так и в нормативных правовых актах штатов (субъектов федерации). Криптовалюты в этом государстве квалифицируются как имущество, инвестиционный инструмент или иностранная валюта [10, 431]. Служба внутренних доходов США выпустила руководство по налогообложению операций с криптовалютой, в соответствии с которым существует два основных варианта расчета налога на доход в биткойнах, которые различаются в зависимости от того, как их классифицировать – как иностранную валюту или как капитальный актив, подобный долгосрочным инвестициям в акции [9]. Анализируя этот документ, отечественные исследователи отмечают, что в США налогообложение криптовалют возможно только при условии, если биткойнер пожелает проинформировать налоговую инспекцию о своих доходах [3, 170].

Наконец, согласно позиции Европейского суда правосудия, криптовалюта как средство платежа, т.е. финансовый инструмент, не

являющийся товаром или услугой, не должна облагаться налогом на добавленную стоимость. Позиция, в рамках которой предполагается не распространять на криптовалюты и операции с ними механизм косвенного налогообложения в виде налога на добавленную стоимость, остается в рамках правовых актов Европейского союза основополагающей. Для целей познания правовой природы криптовалюты, имеющей принципиальное значение в том числе для решения вопросов налогообложения, принципиально важным является признание на уровне Европейского суда криптовалют в целом (в том числе основанных на технологии блокчейн) и биткойнов в частности в качестве законного средства платежа на уровне Европейского союза.

Таким образом, исследование налогового законодательства зарубежных стран и международных организаций в настоящее время позволяет сделать вывод об отсутствии единства в подходах относительно определения понятия и правового режима криптовалюты, которые могли бы быть использованы с целью правового регулирования налоговых последствий операций с виртуальными валютами, в частности, с целью определения налоговой базы и предотвращения незаконных действий, являющихся объектом налогового контроля, а также невозможности однозначного определения понятия и правовой природы криптовалюты для целей налогово-правового регулирования.

Список литературы

1. Беломытцева О.С. О позиции стран Евросоюза в отношении эмиссии и обращения виртуальных валют // Проблемы учета и финансов. 2015. № 1. С. 26-30.
2. Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 80-88.

3. Иванов А.Ю., Башкатов М.Л., Галкова Е.В., Тюляев Г.С., Пивненко А.С. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 170-171.
4. Максуров А.А. Криптовалюта как экономико-правовая категория // Современное право. 2018. № 9. С. 68-71.
5. Хаванова И.А., Кучеров И.И. Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2-17. № 1. С. 66-72.
6. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 16-23.
7. Akins B.W., Chapman J.L., Gordon J.M. A Whole New World: Income Tax Considerations of the Bitcoin Economy // Pittsburgh Tax Review. 2014. 337 p.
8. Bal A. Taxation of virtual currency. Dissertation. Leiden University. 2014. Pp. 19 – 20. Lambooij M. Retailers Directly Accepting Bitcoins: Tricky Tax Issues? // Derivatives & Financial Instruments. May/June 2014. Pp. 138 – 143.
9. Bitcoin IRS tax guide for individual filers // <https://www.investopedia.com/university/definitive-bitcoin-tax-guide-dont-let-irs-snow-you/> Дата обращения – 24 апреля 2019 года.
10. Wiseman S.A. Property or Currency? The Tax Dilemma behind Bitcoin // Utah Law Review. 2016. Iss. 2. P. 417-440.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16107 мк «Исследование и обоснование выбора модели налогообложения в эпоху цифровой трансформации».

DOI: 10.24411/2541-8947-2019-10001

УДК: 343.222.7

ГРНТИ: 10.91

СУБЪЕКТ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЯДА ГОСУДАРСТВ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Шошин Сергей Владимирович

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г.Чернышевского, юридический факультет, доцент кафедры уголовного, экологического
права и
криминологии, кандидат юридических наук, доцент,
г. Саратов
serguei8@mail.ru*

SUBJECT IN NATIONAL CRIMINAL LEGISLATION OF STATES: COMPARATIVISTIC ANALYSIS

Sergey V. Shoshin

*Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Faculty of Law,
Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Associate Professor,
PhD in Law, Associate Professor
Saratov*

АННОТАЦИЯ

Многие страны мира установили в национальном уголовном законодательстве и уголовную ответственность для юридических лиц. Попытки введения в российский уголовный кодекс уголовной ответственности для юридических лиц сегодня не находят поддержки у законодателя. В Эстонии и Сербии при назначении уголовного наказания не имеет значение информация, характеризующая личность подсудимого. В этих странах равенство при назначении уголовного наказания исключает необходимость учета характеристики личности правонарушителя.

ABSTRACT

Many countries of the world have established in the national criminal law and criminal liability for legal entities. Attempts to introduce into the Russian Penal Code criminal liability for legal entities today do not find support from the legislator. In Estonia and Serbia, the information characterizing the identity of the defendant is irrelevant when appointing a criminal punishment. In these countries, equality in the appointment of a criminal punishment precludes the need to take into account the characteristics of the offender's personality.

Ключевые слова: Субъект, уголовное, право, Россия, Сербия, Эстония.

Key words: Subjective, Criminal, Right, Russia, Serbia, Estonia.

В современном российском уголовном законодательстве содержится однозначное определение субъекта преступления. В ст. 19 УК РФ речь идет лишь о физическом вменяемом лице, достигшего установленного российским национальным уголовным законодательством возраста. В ч. 1 ст. 20 УК РФ законодателем констатирован минимальный возраст, при достижении которого становится возможным привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности: 16 лет. За наиболее опасные деликты в ч. 2 ст. 20 УК РФ предусмотрена возможность наступления уголовной ответственности с 14 лет. Ст. 22 УК

РФ предусматривает сейчас возможность привлечения к уголовной ответственности также и лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим, однако, вменяемости.

Вопросам, касающимся определения законодателями различных государств и территорий мира минимального возраста уголовной ответственности, посвящено достаточное число научных исследований [4, 211]; [6, 113]; [1, 12]. В частности, судебная практика и правовая доктрина в Великобритании, при наличии определенных условий, допускают привлечение к уголовной ответственности лиц в возрасте от 10 до 14 лет.

Попытки обращения внимания российского федерального законодателя к актуальности введения в УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц - имелись. Например, существует проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», подготовленный сотрудниками Следственного комитета РФ. Данный проект закона так и не оказался в числе внесенных в Государственную Думу. В 2015 году в Государственную Думу был внесен уже другой законопроект №750443-6, названный: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». Указанный проект закона не принят российским законодателем.

Уголовное законодательство значительного числа государств современного мира прямо

предусматривает возможность преследования юридического лица [8, 12]. В целом ряде случаев иностранные правоохранительные органы, руководствуясь национальным уголовным законодательством, имеют полное право привлекать конкретные российские юридические лица к уголовной ответственности, а российское правовое поле предоставляет возможность ставить вопрос лишь о привлечении иностранных юридических лиц к административной ответственности. Подобная ситуация не способствует формированию фактически паритетной правовой ситуации правового регулирования похожих ситуаций, складывающихся на территории России и иностранных государств.

Парадоксальность ситуации иллюстрируется примером из деятельности компетентных властей США, направленной на противодействие коррупции в России. Об этом примере подробно рассказал общественности 26 мая 2011 года на очередном Конгрессе

уголовного права, проходившем в МГУ им. М.В.Ломоносова Т.Файерстоун, в тот период времени являвшийся постоянным представителем министерства юстиции США при посольстве США в Москве. Суть примера: компания «Даймлер», обвиненная в коррупции на территории России, связанном с поставками ее продукции российским государственным структурам, была подвергнута наказанию американскими компетентными органами в виде штрафа в сумме 700 миллионов долларов. Последствия подобного наказания способны внести серьезный вклад в профилактику преступности на территории РФ. При этом уголовной или иной ответственности никто из компании «Даймлер» в связи с указанным коррупционным проявлением подвергнут не был, хотя компетентные органы США не только официально надлежащим образом передали необходимые документы российской стороне, но и разместили качественно отсканированную копию полного

(весьма объемного) обвинительного акта в свободном доступе в сети интернет.

Членство Российской Федерации в целом ряде международных организаций, наравне с участием РФ в некоторых международных договорах, подтверждает необходимость установления в стране уголовной ответственности юридических лиц. Во многих случаях административная ответственность, которой возможно подвергнуть конкретное юридическое лицо, не способна служить достаточным средством для восстановления нарушенных правонарушением общественных отношений. Как некий промежуточный период, можно предложить российскому федеральному законодателю сохранить, одновременно, и уголовную ответственность, применяемую к физическим лицам, и административную ответственность, используемую в отношении юридических лиц. Можно поддержать точку зрения, высказанную Федоровым А.В.,

предложившим для российского законодателя установить отказ от использования разных процессуальных моделей в случаях привлечения к ответственности, соответственно, физических и юридических лиц, за совершение связанных между собой деяний. Предлагается лишь в рамках, очерченных в действующем уголовно-процессуальном порядке, рассматривать подобные дела [9, 11]. Похожей точки зрения на обозначенную нами проблему придерживается и Михайлов В.И. [5, 97].

Примерами оригинальных и позитивных подходов к процессу развития национального уголовного права можно считать действующие УК Эстонии и УК Сербии [7, 529].

Современный УК Эстонии отказался от четырехэлементного общего состава преступления и ввел достаточно распространенную в мире трехступенчатую структуру преступления: состав преступления (согласно Особенной части), противоправность, вина [10, 107]; [11, 127].

В Эстонии и, соответственно, в Сербии, законодатели отказались от учета при вынесении уголовного наказания характеристики личности конкретного правонарушителя. Сведения о таком его поведении до, и после периода совершения конкретного преступления, при их влиянии на назначение наказания (как в современном российском уголовном праве) удаляют нас от движения к равенству. Человека судят только за совершенный им деликт, перечисленный в конкретной норме действующего УК. Если иное деяние, составляющее акт поведения конкретного правонарушителя, не поименовано в конкретной норме действующей Особенной части УК, то и учитывать его нет смысла (в Эстонии и Сербии).

Отсутствие в действующем УК РФ нормы, устанавливающей уголовную ответственность для юридических лиц, делает практически невозможным исполнение иностранных запросов о правовой помощи по уголовным делам, в которых фигурируют конкретные юридические лица, в

отношении которых осуществляется уголовное преследование иностранными правоохранительными и (или) иными силовыми компетентными органами. Здесь, несомненно, имеется значительное пространство для комплексного исследования указанной проблематики. Такое исследование может быть актуально не только сугубо с правовой стороны. Здесь и политологический и экономический аспект достоин внимания. Например, провозглашая актуальной проблемой распространение незаконного оборота наркотических препаратов, следует вспомнить, что крупные партии таких изъятых из свободного обращения веществ, традиционно, имеют высокую стоимость. Данная огромная стоимость оказывается доступной лишь крупным юридическим лицам, причастным к таким криминальным отношениям. Ответственность в уголовном порядке лишь физических лиц не может являться эффективным средством противодействия криминальной наркотизации

общества. Похожая ситуация складывается и с юридическими лицами, причастными к деятельности незаконных вооруженных формирований. Это актуально не только на территории РФ, но и на территории иных государств. Данный сегмент деятельности юридических лиц, кроме того, может быть значительно продолжен.

В современной России в некоторой степени похожий на объективное вменение подход существует в уголовно-правовой регламентации деятельности суда присяжных. Данные, свидетельствующие о личности конкретного лица, являющегося обвиняемым в современном российском суде присяжных, следуя ч. 8 ст. 335 УПК РФ, могут быть исследованы с участием присяжных заседателей лишь в том объеме, какой является необходимым для констатации признаков конкретного преступления (т.е. того деликта, в совершении которого данное лицо обвиняется по данному уголовному делу). Этой же нормой российского

уголовно-процессуального законодательства прямо сформулирован однозначный запрет на исследование с участием присяжных заседателей следующих групп информации о конкретном подсудимом:

А) данные о фактах прежней судимости;

Б) данные о признании его хроническим алкоголиком, либо наркоманом;

В) иные данные, потенциально способные сформировать у присяжных предубеждение в отношении этого лица.

Минимальное количество судебных процессов по уголовным делам, проводимых с участием присяжных, не позволяет считать указанные выше положения процессуального законодательства систематически применяемыми на российской территории. Как показывает статистика, за 2017 год судом с участием присяжных заседателей на территории РФ было осуждено 446 человек (и 50 – оправдано) [3, 1]. На фоне общего числа порядка 958000 уголовных дел,

рассмотренных по 1-й инстанции в 2017 году российскими судами, какого-то критического значения для формирования общей концепции государственной политики в сфере уголовного судопроизводства дела, рассмотренные с участием присяжных заседателей, не имеют.

Распространение российским законодателем особенностей реализации прав подсудимых по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, на производство по иным категориям уголовных дел, могло бы способствовать достижению положительного результата в формировании и развитии правового государства [2, 52]. В качестве одной из целей совершенствования российского национального уголовного законодательства можно рекомендовать выделить актуализацию введения в России уголовной ответственности юридических лиц. Международный опыт весьма наглядно иллюстрирует высокую значимость и для интересов российских налогоплательщиков введения указанной инновационной

нормы в УК РФ. Положительным уголовной ответственности можно считать и отсутствие юридических лиц в действующее необходимости сколько-нибудь сегодня уголовное законодательство существенных инвестиций для Российской Федерации. полноценного введения института

Список литературы

1. Артеменко Н. В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности: сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции: дисс. ... к.ю.н.: 12.00.08. – Ростов-на-Дону, 1999. – 205 с.
2. Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Правовое государство как критерий модернизации России // Правовая культура. №1 (14). – Саратов, 2013. – С. 52-57.
3. Ефименко Е. Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2017 год //URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (свободный доступ), (дата обращения – 18.05.2018 г.).
4. Кузнецова Т.В., Чумакова А.В. Возраст уголовной ответственности в различных странах мира. В сб.: Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире. Материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию проф. А.И.Папкина. - М.: РУДН, 2012.- С. 211-217.
5. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). - М. 2013. - С. 97-102.
6. Оганесян Л.Р. Возраст уголовной ответственности в уголовном праве зарубежных стран (США, Англия, Франция, Австрия, Швейцария, Испания, ФРГ, Япония) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. №52. – Тольятти, 2009. – С. 113-115.
7. Сидоркин А.И. Ключевые вопросы реформы Общей части уголовного права Эстонии. В сб.: Уголовное право: стратегии развития в XXI

веке: материалы четвертой международной научно-практической конференции (25-26 января 2007 г., г. Москва).- М., 2007.-С. 529-531.

8. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Закон, №6. - М., 2017. - С. 12.

9. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. 2015. №7. – С. 11-18.

10. Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Bd 1.- Munchen, 1992.- S. 107.

11. Vogel J. Elemente der Straftat: Bemerkungen zur franzosischen Strafrechtslehre und zur Strafrechtslehre des common law// Coltdammer's Archiv fur Strafrecht. 1998. № 3. – S. 127.

Законопроекты и иностранная судебная практика:

Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» //URL: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (свободный доступ), (дата обращения – 05.03.2019 г.).

Законопроект №750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» //URL: http://www.alcomarket.info/news/2015/03/information_items_property_4074.pdf (свободный доступ), (дата обращения – 05.03.2019 г.).

United States v. Daimler Chrysler automotive Russia Sao Court docket number: 10-cr-064-rjl // URL:<https://www.justice.gov/criminal-fraud/case/united-states-v-daimlerchrysler-automotive-russia-sao-court-docket-number-10-cr> (режим доступа - свободный), (дата обращения: 05.03.2019 г.).

УДК 346

ГРНТИ 10.23.65

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Туктамышева Софья Вячеславовна

*бакалавр 4 курса юридического факультета
Дальневосточного федерального университета*

Россия, г. Владивосток

Tuktamysheva.sv@mail.ru

Научный руководитель:

Корчагин Анатолий Георгиевич

*канд. юрид. наук, профессор кафедры конкурентного
и предпринимательского права Юридической школы*

Дальневосточного федерального университета

Россия, г. Владивосток

SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING COMPANY IN THE BANKRUPTCY CASE

Sofya V. Tuktamysheva

4-year bachelor`s student of the Faculty of Law

Far Eastern Federal University

Russia, Vladivostok

Anatoly G. Korchagin

Dr. Of Law, professor of Chair of Competition & Business Law,

Law School of Far Eastern Federal University

Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена новеллам корпоративного законодательства в части привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в деле о банкротстве, представленным в сравнительном анализе с предыдущей редакцией норм, регулирующих установленные корпоративные отношения, а также проблематике их применения.

ABSTRACT

The article is devoted to the corporate law novels in terms of bringing the controlling debtor to responsibility in a bankruptcy case, presented in a comparative analysis with the previous edition of the rules governing established corporate relations, as well as their application.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; банкротство; контролирующее лицо; кредитор; снятие корпоративной вуали; Закон о банкротстве.

Key words: subsidiary liability; bankruptcy; controlling person; creditor; removal of corporate veil; Bankruptcy Law.

Проблема юридической ответственности при банкротстве является актуальной на сегодняшний день. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – Закон о банкротстве) [11], в отличие от своего предшественника, является прокредиторским, как в корпоративном праве Германии и Великобритании, поскольку права принятия первостепенных решений в деле о банкротстве принадлежит собранию кредиторов. В силу такой смены ключевого субъекта защиты в делах о банкротстве, должник

адаптивно предпринимает ряд мер, связанных с минимизацией негативных последствий от введения банкротных процедур. В частности, к такому относится практика создания искусственной задолженности с аффилированными кредиторами, вывод активов в ущерб реальных кредиторов [6,49]. В связи с распространением данной практики, для защиты кредиторов в 2017 году законодатель вводит целую главу, посвященную ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, призванную

восполнить недостаток имущества должника за счет лиц, руководящих его действиями [11].

Данные новеллы расширяют практику применения случая, входящего в концепт принципа «Снятия корпоративной вуали»: привлечение к ответственности основного общества и иных контролирующих лиц при банкротстве контролируемого юридического лица, где привлечение таких лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. Вместе с тем, отметим, что в целом, указанная концепция сводится к тому, что ответственность за действия, совершенные от имени хозяйственных обществ, может быть возложена на иных лиц: акционеров, учредителей, членов органов управления, а также на другое юридическое лицо, которое является материнским по отношению к совершившей действие компании.

Контролирующее лицо - лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих

возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Вместе с тем, понятие контролирующего лица является очень широким, в частности п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве арбитражный суд может признать лицо контролирующим должника лицом по иным основаниям. Иными словами, статус «контролирующего» может быть присвоен любому лицу, которое обладает управленческими полномочиями на предприятии [11].

В настоящее время, за счет оснований возникновения отношений контроля значительно расширены возможности закрепления за лицом статуса контролирующего должника, в частности легализовано понятие фактического контроля. Фактический контроль признается

установленным в случае наличия факта осуществления контроля над организацией, в силу обладания участником (членом) этой организации значительной долей в уставном капитале [8,11]. В том числе, в действительности существует возможность осуществления одной из двух представленных моделей привлечения контролирующего лица должника у субсидиарной ответственности: собственно, в период самого банкротства, а также в так называемый постбанкротный период, т.е. уже после прекращения производства по делу. Остается открытым вопрос о том, насколько данные новеллы позволят повысить эффективность института банкротства на практике, в силу сравнительно короткого промежутка времени, прошедшего после введения новелл [7, 25].

Согласно положения пункта 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к

ответственности при банкротстве» [10], привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов». В целом, отметим, что чрезмерное привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц посредством использования принципа снятия корпоративной вуали приведет к переходу данного исключения в разряд общего правила, что в свою очередь, противоречит основополагающим признакам юридического лица, закрепляющим право последнего самостоятельно отвечать по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, а также принципу разграничения ответственности юридического лица и иных лиц, что позволяет участнику с большим объемом капитала (акции, доли) в обществе аккумулировать им, с точки зрения экономического результата, как обособленным имуществом в уставном капитале юридического лица, не опасаясь

ответственности по долгам общества. Такой переход от частного к общему приведет к деструктивным последствиям в процессе развития рыночных отношений в российской действительности.

В частности, опираясь на схожие доводы в своем научном исследовании, О.В. Гутников, в целях поддержания самой идеи осуществления предпринимательской деятельности посредством создания юридического лица, без риска участников нести ответственность по обязательствам последнего, призывает сформулировать ряд основных причин для применения случая «прокалывания корпоративной вуали», которые должны быть связаны «с явно противоправным и умышленным поведением его участников, с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов» [6, 51]. Таким образом, необходимо, по мнению автора, сбалансировать нормы субсидиарной ответственности, когда будут учитываться интересы всех добросовестных участников

гражданского оборота, в частности кредиторов, участников и бенефициаров юридического лица. Иначе интерес членов юридического лица должника останется ориентированным на вывод активов в свою пользу в предбанкротный период, с целью получения своей части имущества, а кредиторы, в свою очередь, будут тщательно выбирать надежного контрагента, прекратят решаться на участие в рискованных и высокодоходных проектах, и в конечном итоге перестанут вступать в коммерческие отношения с юридическими лицами.

При этом связь между действиями (бездействием) и банкротством предполагается в следующих случаях (пока не доказано иное):

- за нарушение законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве);

- если ими была нарушена обязанность самостоятельно подать в арбитражный суд заявление о признании себя несостоятельным

(банкротом) при наличии соответствующих обстоятельств;

- за невозможность полного погашения требований кредиторов, в частности: а. если они приняли обязательные для исполнения обществом указания, одобрили или совершили сделки, после претворения в жизнь которых был причинен вред имущественным правам кредиторов; б. если ими нарушена процедура ведения и обеспечения сохранности бухгалтерской и иной предусмотренной законом документации и др. [11].

Общим для всех видов субсидиарной ответственности, помимо их гражданско- правовой природы, является не только нарушение положений Закона о банкротстве, но и универсальная мера ответственности, представленная в виде возмещения убытков контролирующими лицами кредиторам и должнику, которая, по мнению некоторых авторов, делится на два вида: корпоративную ответственность за убытки, причиненные должнику, и

деликтную ответственность контролирующих лиц за вред, причиненный правам кредиторов должника [5,29]. Также, общим для указанных видов ответственности представляется неисполнение руководителем должника, иных его органов, учредителей, собственника имущества должника и иных контролирующих лиц обязанности действовать с учетом интересов кредиторов. В частности, такая обязанность и состоит в не допущении действий (бездействий), которые могут ухудшить финансовое положение должника. Последняя устанавливается со дня, когда перечисленные выше контролирующие лица узнали или должны были узнать о признаках банкротства.

В целом, в условиях наличия оснований для применения субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, необходимо наличие всех элементов состава гражданского правонарушения: противоправное поведение лица, наличие неблагоприятных последствий, причинно-

следственная связь между противоправным поведением и неблагоприятными последствиями и, наконец, вина.

Вместе с тем, обращая к англо-саксонскому праву, а именно к США, где зародилась в начале XX в. теория снятия корпоративной вуали, для целей конкретного спора суд признает, что компания не является самостоятельным субъектом права, т.е. лишает ее привилегии ограниченной ответственности. Отметим, что в Англо-саксонском праве широко распространена теория фикции юридического лица (*legal fiction*) [12]. Юридическое лицо здесь всегда рассматривалось как искусственное образование, невидимое, неосязаемое и существующее только с точки зрения закона. По итогу, суд рассматривает не формальные, а фактические отношения зависимости между компаниями, а к ответственности может быть привлечено не только юридическое, но и физическое лицо. Так, А.Н. Артемова называет два основания привлечения к ответственности контролирующих

лиц, при доказанности которых суд «снимает корпоративную вуаль» с юридического лица: 1) отсутствие у юридического лица самостоятельности в силу доминирования и контроля другого лица; 2) использование юридического лица в качестве инструмента для совершения обмана или правонарушения [2,2].

Отметим, что чаще всего привлекают к субсидиарной ответственности именно в рамках конкурсного производства. Из чего следует, что если должник несостоятельным не признавался, то суд может и отказать в иске о привлечении его к субсидиарной ответственности.

Вместе с тем, нельзя не отметить прецедент, когда процедура банкротства не состоялась, однако суд привлек контролирующих лиц к субсидиарной ответственности на основании Закона о банкротстве.

Налоговая инспекция вынесла решение о доначислении налогов в отношении определенной компании. Исполнено оно не было, поскольку у компании-должника не оказалось ни

денег, ни имущества. Налоговая направила в арбитражный суд заявление о банкротстве, по результатам рассмотрения которого производство по делу было прекращено в связи с отсутствием средств для покрытия судебных расходов и выплаты вознаграждения арбитражному управляющему.

После чего налоговая обратилась в суд общей юрисдикции с требованием о привлечении к субсидиарной солидарной ответственности руководителя и учредителя должника, а также учредителя другого общества, являющегося участником компании, о которой идет речь. И суд первой инстанции отказал заявителю, указав, что решение о признании компании банкротом не выносилось вовсе, а вина ответчиков в доведении компании до неплатежеспособности не доказана. Однако в последствии Апелляционным определением Московского городского суда от 30 мая 2016 г. по делу N 33-6195/16 это решение было отменено, а в пользу налоговой инспекции в качестве субсидиарной ответственности

взысканы денежные средства солидарно с директоров и участников компании [1]. За основу суд взял выводы арбитражного суда, сделанные при обжаловании решения налоговой инспекции: заключая сделки с фирмами-однодневками, руководство и участники компании необоснованно применяли налоговые вычеты, в результате чего и образовалась недоимка по НДС. При учете всей совокупности доказательств, Апелляционный суд принял решение о достаточности последних в деле, на основании которых пришел к выводу, что именно недобросовестные и неразумные действия директора и участников компании стали причиной плачевного финансового состояния самого общества. При этом связь между действиями лиц, привлекаемых к ответственности, и последствиями, которые повлекли за собой эти действия, не была установлена: суд презюмировал, что, поскольку есть долг, который до настоящего момента не погашен, директор и учредители виноваты и

должны пополнить бюджет средствами из собственного кармана [3,14].

Подводя итоги, отметим, что, будучи законодательной новеллой глава III.2 Закона о банкротстве о привлечении к ответственности в деле о банкротстве контролирующих лиц тем не менее уже практиковалась по схожим основаниям российскими судами при применении ст. 10 указанного выше закона, которая содержала основания привлечения фактически контролирующих лиц к имущественной ответственности.

В числе изменений, привнесенных данной главой, отметим закрепленное статьей 61.10 Закона о банкротстве понятие контролирующего лица, которой, впрочем, несмотря на конкретизацию, остается достаточно широким, в частности в силу права суда признать контролирующего должника по иным основаниям, а не только перечисленным указанной статьей.

В действующей редакции Закона о банкротстве отныне подавать заявление о привлечении

руководителя должника можно как в процессе проведения процедуры банкротства, так и после ее окончания. Вместе с тем, изменены сроки давности привлечения к ответственности. Заявление может быть подано в течение трех лет со дня, когда лицо, имеющее право на подачу такого заявления, узнало или должно было узнать о наличии соответствующих оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) и не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности. В случае пропуска срока исковой давности, он может быть восстановлен судом.

Появились и прокредиторские новеллы, в частности обязанность ответчика представить отзыв. В случае не предоставления такового

по причинам, признанным судом неубажительными, или явной неполноты возражений, относительно предъявленных к нему требований, по доводам, заявленным в требовании иска, бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возложено на лицо, привлекаемое к таковой.

Также необходимо отметить закрепленный в ныне действующей редакции Закона о банкротстве приоритет дела о банкротстве должника перед делом о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица: привлечение к ответственности контролирующего лица возможно только в рамках дела о банкротстве самого должника.

В целом, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве нормы для привлечения к субсидиарной ответственности возникают из следующих оснований:

1) противоправных действий,

направленных против юридического лица и причиняющих последнему убытки и 2) противоправных действий, направленных против кредиторов юридического лица, также причиняющих убытки последним, что выражается в нарушении обязанности действовать разумно и добросовестно с учетом интересов кредиторов.

Таким образом, необходимо продолжить совершенствование норм субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве, в частности, достигнуть баланса регулирования института субсидиарной ответственности субъектов, доминирующих над юридическим лицом в деле о банкротстве, а именно учитывать интересы бенефициаров юридического лица, учредителей, управляющих, кредиторов, в том числе принимать к сведению положительные и негативные факторы.

Список литературы

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.06.2016 по делу N 33-6195/16 // Доступ из прав. сист. «Гарант».
2. Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание применения доктрины «снятия корпоративной вуали» // Российский юридический журнал. 2018. №1. С. 16 -24.
3. Божко М.П., Галанцев Д.А. Семь уроков корпоративных конфликтов. М.: Проспект, 2018. 63 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. (с изм. и доп. от 05.12.17).
5. Гутников О.В. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов // Хозяйство и право. 2018. №1. С. 18-29.
6. Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. №1. С. 48-60.
7. Карелина С.А. Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве)) // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2018. N 1. С. 14-27.
8. Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. №2. С. 2-19.
9. О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях": фед. закон от 29.07.2017 N 266-ФЗ // Доступ из справ. прав. сист. «КонсультантПлюс».
10. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановления Пленума

Верховного суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. N 53 // Доступ из Прав. сист. «КонсультантПлюс».

11. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002. №127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 43. Ст. 4190. (с изм. и доп. от 12.11.2018).
12. Smith B. Legal Personality // Yale Law Journal. 1928. Vol. XXXVII. N 3; Goulding S. Company Law. L., 1996; Fuller Lon L. Legal Fictions. Stanford, 1967.

УДК 343.614

ГРНТИ 10.77.51

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА: ИСТОРИЯ
РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В УК РФ**

Мамчуева Асият Ансаровна

Магистр 3 курса кафедры

уголовного, экологического права

и криминологии

юридического факультета

Саратовского национального-исследовательского

государственного университета

им. Н. Г. Чернышевского

Саратов

mamchueva.94@mail.ru

**CRIME INCITEMENT TO SUICIDE: THE HISTORY OF
DEVELOPMENT AND THE CURRENT SITUATION IN THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Asiyat A. Mamchuyeva

Master of 3 years of the department

criminal and ecological law and criminology of the

Faculty of Law

of the Saratov National Research State University

named after N. G. Chernyshevsky

Saratov

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению преступления доведения до самоубийства. Автор рассматривает историческую ретроспективу, даёт анализ современному положению преступления доведения до самоубийства в Уголовном кодексе РФ и в современном

российском обществе. Делаются выводы позволяющие говорить, что это одно из серьезных и мало изученных проблем современного уголовного права.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the crime of bringing to suicide. The author considers a historical retrospective, gives an analysis of the current situation of the crime of bringing to suicide in the Criminal Code of the Russian Federation and in modern Russian society. Conclusions are made that allow to say that this is one of the serious and little studied problems of modern criminal law.

Ключевые слова: самоубийство; доведение до самоубийства; Уголовный кодекс РФ; уголовное право.

Key words: suicide; bringing to suicide; the Criminal Code of the Russian Federation; criminal law.

Понятие «самоубийство» (или говоря иначе «суицид») происходит от латинского слова «*sui caedere*», что означает «убивать себя». Согласно толковому словарю самоубийство – это осознанное и преднамеренное лишение себя жизни, как правило, самостоятельное и добровольное. То есть это умышленное лишение себя жизни, где причиной смерти является действие самого потерпевшего без давления со стороны третьих лиц. Здесь важно, чтобы действия были направлены на самого себя, на лишение своей жизни [13, 156].

Самоубийство – одно из самых спорных понятий в общественном

сознании и в юридической науке. До настоящего времени не установлены определённые факторы, которые способствуют доведению до самоубийства. Здесь довольно широкий спектр причин, начиная от психологических расстройств и межличностных отношений в семье и обществе, вплоть до непродуманной государственной социально-экономической политике.

В современной уголовно-правовой науке историю развития преступления доведения до самоубийства систематизируют в соответствии с развитием российского уголовного законодательства в целом. В более

широкой интерпретации выделяют семь периодов, связанные с исторической и политической спецификой:

1. законодательство в период перехода к буржуазной монархии и буржуазно-демократической республике (1901-1917 гг.);

2. законодательство советского периода в ранние годы становления государственности (1917-1922 гг.);

3. первые уголовные кодексы в рамках РСФСР (1922-1926 гг.);

4. развитие уголовного законодательства в рамках СССР (1926-1940 гг.);

5. военное и послевоенное законодательство (1941-1953 гг.);

6. законодательство периода развития либеральных ценностей (1953-1985 гг.);

7. законодательство периода перестройки и современный период (с 1985 г. по настоящее время) [9, 67].

Однако если анализировать развитие законодательства РФ в

целом, а не только развитие уголовного права, можно сказать, что самоубийство упоминается ещё в XV в. как особо тяжкий вид преступления. В связи с чем, было бы правильно дать отдельную систематизацию развития ответственности за доведения до самоубийства. Так, выделяют некодифицированный период (до 1845 г.), уложенческий период (1845-1917 гг.); советский период (1917-1991 г.) и постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время) [9, 70].

Некодифицированный период берёт своё начало ещё в XV в. с образованием Русской централизованной государственности после отступления татаро-монгольского ига. Именно в этот период возникла необходимость упорядочить и узаконить внутренние общественные отношения.

Для этого в 1497 г. был принят так называемый Судебник [3] – правовой документ, устанавливающий правовое регулирование общественных отношений, предшественником

которого была «Русская Правда» Ярослава Мудрого [2]. Здесь важно выделить правовой акт «Запись о душегубстве», где под термином «душегубство» подразумевалось не только убийством одного человека другим, но и самоубийство и смерть в результате несчастного случая.

Дальнейшая история развития преступления доведения до самоубийства отразилась в Земском соборе 1649 г. В этом документе приводилась более широкая дифференциация преступлений против жизни. За различные виды преступлений предусматривалось различное наказание, как, например, за убийство родителей детьми, за убийство детей родителями, за умышленное и неумышленное убийство, за самооборону, а также за самоубийство, которое расценивалось как смертный грех [10, 89].

Во время царствования Петра I законодательство стало более жестким по отношению к людям совершившие различного рода преступления. В этот период самоубийство расценивалось как

собственноручное лишение себя жизни, где исполнитель и потерпевший отождествлялись. В 164-м Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г. в числе прочих посягательств на жизнь впервые появилось упоминание о самоубийстве [1]. Здесь данный вид преступления относился к квалифицированным видам преступления. В этом случае наказанию подвергался труп преступника, причём в демонстративной форме.

Позже в 1845 г. в Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» убийства делились на простые, квалифицированные, привилегированные и совершенные по неосторожности. К отдельным видам преступления относилось самоубийство, доведения до самоубийства и подстрекательство к самоубийству (ст. 1946). Самоубийство было так глубоко затронуто, что в Уложении этому была выделена отдельная глава. Так, в первой главе рассматривалась ответственность за убийство, а во второй главе – за самоубийство [8].

В Советский период институт уголовного права получил более широкую правовую базу. В уголовном кодексе РСФСР 1922 г. был выделен широкий спектр видов убийств. Выделялось простое и умышленное убийство, убийство в состоянии аффекта, убийство из чувств самообороны, убийство по неосторожности, убийство матерью своего ребенка, а именно аборт, а также подстрекательство к самоубийству несовершеннолетнего лица или недееспособного, а также просто самоубийство [4].

Принятый УК РСФСР в 1926 г., по существу, оставил систему преступлений против жизни, которая была сформулирована в УК РСФСР 1922 г. В дополнение была введена ответственность за самоубийство или покушение на него лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, путем жестокого обращения с потерпевшим или иным подобным путем (ст. 141) [5].

В 1960 г. Уголовный кодекс был несколько отредактирован. А именно претерпела некоторые

изменения система преступлений против жизни. Так, в число преступлений против жизни вошло и доведение до самоубийства. Было ужесточено и наказание за доведения до самоубийства. В зависимости от тяжести предусматривалось наказание в виде лишения свободы до пяти лет [6].

В настоящее время случаи доведения до самоубийства регулируются статьей 110 Уголовного кодекса РФ, где говорится, что уголовно наказуемым является доведение лица до самоубийства или покушение на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства [7]. Отсюда мы можем понять, что не каждое самоубийство является уголовно наказуемым, если оно было совершено без влияния и давления третьих лиц. Так как существуют разграничения в понятиях «самоубийство» и «доведение до самоубийства», попытаемся дать определение каждому явлению.

Например, человек в течение длительного времени борется с тяжелой неизлечимой болезнью, переживает сильное душевное потрясение, несчастный случай, смерть близкого и родного человека, депрессию и т.д. и принимает решение уйти из жизни добровольно, без влияния третьих лиц. В этом случае данное деяние не будет уголовно наказуемым, так как решение было принято самим человеком в силу психологических или эмоциональных расстройств.

Важно также отметить, что новое законодательство расширило спектр действий, которые могут вызвать самоубийство. Так в УК 1960 г. подстрекательством к самоубийству считалось жестокое обращение и унижение личного достоинства. Теперь же круг значительно расширился и сюда были добавлены угрозы. Причём не имела значение форма угрозы: устно или письменно, открыто или анонимно. Угрозы по содержанию также могут быть различными [12, 148].

Для квалификации содеянного как доведения до самоубийства не имеет значения, чем угрожает виновный: причинением вреда здоровью, смертью, лишением средств к существованию, умышленным поджогом, угрозой родным и близким, выселением, увольнением, разглашением жизненно важных тайн пострадавшего, разводом и т.д. и т.п. Кроме того, не имеет значение продолжительность и повторяемость угроз. Не всякая продолжительная угроза может вызвать самоубийство, в то время как однократная угроза может подтолкнуть человека к самоубийству. Или наоборот, когда угроза принимает характер травли, человек, психически ломаясь, может наложить на себя руки. Поэтому статья 110 Уголовного Кодекса России рассматривает угрозы во множественном числе в силу многоликости и многосторонности [14, 68].

Однако отечественные ученые-криминалисты считают, что описанных методов в статье иногда бывает недостаточно, и, что

приведённый список в статье не охватывает всех возможных случаев. Поэтому любые иные действия, которые могут повлечь за собой самоубийство, часто не могут быть квалифицированы по статье 110 УК РФ. Даже невзирая на то, что степень их опасности велика для общества. Некоторые учёные предлагают в перспективе расширить перечень способов совершения рассматриваемого преступления [11, 112].

В связи с этим, несмотря на стремительный рост количества самоубийств, в стране фактически отсутствует судебная практика, связанная с самоубийством. Если взять соотношение самоубийств и лиц, осуждённых по ст. 110 УК РФ, то можно понять, что осуждённых за столько общественно опасное деяние ничтожно мало. Так, в 2016 г. по данной статье было осуждено 33 человека, из которых 18 были приговорены к лишению свободы. А в 2017 г. было осуждено вообще 17 человек [11, 115].

Таким образом, следует разграничивать два совершенно

разных понятия: «самоубийство» и «доведение до самоубийства». В первом случае – лицо добровольно в силу ряда обстоятельств принимает решение уйти из жизни. При этом, согласно российскому законодательству, отсутствует состав преступления и деяния уголовно не наказываются.

В случае доведения до самоубийства решение покончить собой принимается под физическим или моральным давлением со стороны третьих лиц. Согласно ст. 110 УК РФ способами доведения до самоубийства могут быть жестокое обращение, угрозы и систематическое унижение человеческого достоинства.

Можно сказать, что в настоящее время ст. 110 носит недоработанный характер в части изложения диспозиции статьи и перечня способов совершения данного преступления, так как в современном обществе существует ряд иных методов доведения до самоубийства. Поэтому, чтобы ст. 110 смогла решить поставленные

цели и задачи, необходимо внести ясность и полноту в её содержание.

Данная проблема тесно сопряжена и с уголовным процессом, однако, стоит заметить, что уголовный процесс лишь испытывает на себе проблему

уголовного права, и для того, чтобы повысить эффективность раскрываемости преступлений по ст. 110 УК РФ, необходимо внести определённые коррективы в законодательство.

Список литературы

1. Артикул воинский [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/articul.htm> (дата обращения: 21.12.2017).

2. «Русская правда» Ярослава [Электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zamislov-valerijaleksandrovich/yaroslav-mudrij-istoricheskaya-dilogiya/3> (дата обращения: 21.12.2017).

3. Судебники 1497 и 1550 годов [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_01.htm (дата обращения: 21.12.2017).

4. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#08216614315254769> (дата обращения: 03.02.2018).

5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 03.02.2018).

6. Уголовный кодекс РСФСР. Закон РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960 ред. от 30.07.1996 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2018).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.02.2018).
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 03.02.2018).
9. Агафонов А. В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. М., 2013. 225 с.
10. Гилинский Я. Основные тенденции динамики самоубийств в России. СПб., 2017. 256 с.
11. Гроллман Э. Суицид превенция, интервенция, поственция. М., 2011. 278 с.
12. Грунтов И. О. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства и склонения к самоубийству // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2017. № 1. С. 144-167.
13. Аванесян В. В. Большая юридическая энциклопедия. М. 2016. 216 с.
14. Галахова А. В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: Научно-практическое пособие // Норма. 2017. №12. С. 56-98.